ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 1 | 2025. Volume 18. Issue 1
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Конверс-анализ обыденной речи: русский, французский и английский языки

Седых А. П., Акимова Э. Н., Жукова А. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявление ряда характеристик современного состояния корпуса методов конверсационного анализа посредством рассмотрения – на основе видеотекстов на трех европейских языках – артикуляции вербальных и невербальных данных, форматов дискурса и социально-коммуникативных категорий интерактантов с учетом системности и вариативности мультимодальных форматов речевых реплик. Научная новизна работы состоит в построении универсальной лингвосемиологической модели описания обыденного дискурса с целью уточнения понятийного аппарата и более четкой семантической синхронизации терминосистемы лингвистики и конверс-анализа, а также теории языка и теории коммуникации. Ключевым моментом исследования является отношение к языку как к открытой активно развивающейся системе конверсационных опор и ориентиров, используемых для реализации целей интерактивного взаимодействия, которая не может трактоваться без привлечения невербальных ресурсов коммуникации. Важным также выступает мультимодальный способ обработки информации на стыке лингвистики и конверс-анализа в русле интерпретативно-семиологического подхода. Полученные данные делают возможным выявление ряда важных механизмов лингвосемиотической интеракции между субъектами речи, необходимых для построения адекватной модели коммуникации, связанной с активизацией динамики полифункциональных параметров речевого акта, на пути создания новой метадискурсной аксиологии как в теории, так и в практике не только конверс-анализа, но и общего языкознания.

EN

Conversational analysis of everyday speech: The Russian, French and English languages

A. P. Sedykh, E. N. Akimova, A. G. Zhukova

Abstract. The aim of the study is to identify the characteristics of the current state of the corpus of conversational analysis methods by examining, on the basis of video texts in different European languages, how conversation analysis articulates verbal and non-verbal data, discourse formats and social categories of interactants, taking into account the systematicity and variability of multimodal formats of communicative steps. The scientific novelty of the work consists in constructing a universal linguo-semiological model for descrybing everyday discourse in order to clarify the conceptual apparatus and more clearly semantic structuring of the terminology of linguistics and conversation analysis, as well as the theory of language and communication theory. The key point of the study is the attitude to language as an open, actively developing system of conversational supports and guidelines used to achieve the goals of interaction with other individuals, which cannot be interpreted without involving non-verbal communication resources. The multimodal method of processing information at the junction of linguistics and converse analysis in the mainstream of the interpretative-semiological approach is also important. The data obtained make it possible to identify a number of important mechanisms of linguosemiotic interaction between speech subjects, necessary for constructing an adequate communication model associated with the activation of the dynamics of the polyfunctional parameters of the speech act, on the paths of creating a new metadiscourse axiology both in theory and in practice not only of linguosemiotics of converse analysis, but also of general linguistics.

Введение

Актуальность работы видится в повышении роли полифункционального взаимодействия лингвистики, теории коммуникации и социологии, а также в эпистемологической необходимости создания новой дискурсной

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250041

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

аксиологии в русле поиска аутентичных оценок и решений для реализации возможностей эффективного роста как индивидуального, так и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание полимодальных основ для реконструкции адекватных когнитивно-коммуникативных моделей с целью осуществления успешного ситуативного взаимодействия.

Конверсационный анализ этнометодологического толка представляет собой направление, находящееся в пространстве между несколькими дисциплинами – преимущественно социологией и лингвистикой – и выработавшее оригинальный подход к языку и речи, рассматриваемых в их организации одновременно системно и ситуативно. В статье впервые прослеживаются принципы этого подхода, подчеркивая тесную связь лингвистического и социологического измерений. Описываются некоторые современные проблемы данного подхода в связи с растущей актуальностью, которую приобретает мультимодальность – то есть учет синергии языковых и невербальных ресурсов: жестовых, лицевых, телесных – в отношении которых проблематика дискурсной реализации реструктурируется в русле новых подходов к системности анализа и ситуативным характером речевого поведения с учетом сложных временных отношений и материальности, пространственности, а также социального взаимодействия. В сопоставительном ключе описываются видеоматериалы на русском, французском и английском языках на базе транскриптов сходных стандартных коммуникативных ситуаций.

В задачи нашего исследования входят:

– синергетический анализ конверсационного и обыденного дискурса;

– выявление сходных элементов содержания парапраксисного дискурса на уровне специальных терминосистем;

– подготовка элементов эпистемологической базы для уточнения проектных механизмов анализа высказываний в рамках мультимодальной текстологии.

Конверс-анализ остается рецептивным для терминологических заимствований из различных областей гуманитарного знания: общего языкознания (язык, речь, дискурс), грамматики (синтаксис, высказывание), риторики и стилистики (персонификация, метафора, метонимия), приемов устного дискурса (структурная перестройка, эллипсис), лексикологии (заимствование, отслеживание), дискурс-анализа (анализ и интерпретация дискурса) и элементы когнитивной психологии (когнитивные аспекты, концепт) (Седых, Чижова, Акимова, 2024).

При этом конверс-анализ также имеет свой терминологический аппарат, не всегда единогласно признаваемый специалистами в данной области (речь-во-взаимодействии, черед, интермиттенция), который регулярно обогащается новыми терминами (Седых, Бузинова, Пашковская, 2023). Основополагающие задачи исследования включают в себя: а) акцент на междисциплинарности и многомерности термина конверс-анализ; б) адекватное понимание информативного и ситуационного содержания в контексте вербализации реплик; в) построение релевантной модели интеракции в рамках конверсационного дискурса.

Лингвистика, социология и конверсационный дискурс – понятия взаимосвязанные. Лингвосемиологическое моделирование дискурса – это также реконструкция метадискурса эпистемологической точки зрения, к которой принадлежит тот или иной дискурс. Передовые представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Карасик, 2016; Рикёр, 2004; Pruvost, 2000; 2005; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Наряду с эмпирическим материалом вербальных и невербальных источников в исследовании также были использованы данные следующих словарей:

- Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. P.: Edition du Seuil, 2002.
- Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.

Обыденный дискурс как многозначное и полиморфное явление обладает большим потенциалом эпистемологического развертывания, что отражается в работах филологов, социологов, теоретиков философии языка и коммуникации (Карасик, 2007; 2016; Ким, 2024; Седых, 2022; Morin, 2006; Rastier, 2009; Identités sociales…, 2009; Rey, 2020; Kristeva, 2000).

Теоретические векторы работы опираются на следующие концепции исследователей и направлений: дискурсологии и дискурсной идентичности (Identités sociales…, 2009; Олянич, 2014), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосемиологии (Kristeva, 2000), психомеханики (Guillaume, 1982; Babu, 2014; Tabachnick, 2011).

Значимость теоретических построений исследования видится в дальнейшей разработке практико-ориентированного подхода к изучению конверсационного дискурса с интегрированием дополнительных синергетических параметров метадискурсного и трансдискурсного кластера гуманитаристики.

Результаты анализа источников актуальных концепций позволяют говорить о подтверждении научных положений теории языка и дискурсологии. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории лингвосемиологического моделирования, в частности полифункциональной картины мира и нового терминологического аппарата гибридной природы.

Методы исследования включают в себя конверсационный анализ речевых шагов, а также выделение дополнительных метадискурсных признаков высказывания с целью создания адекватных эпистемологических предпосылок для обозначения и акцептации реалий мультимодальной активности.

Практическая значимость: результаты исследования найдут применение в процессе преподавания лингвосемиотических основ языкознания и метадискурса науки, на лабораторных занятиях по филологическим и психолингвистическим дисциплинам, в рамках практических курсов по подготовке преподавателей педагогических институтов и научно-преподавательского состава классических университетов.

Обсуждение и результаты

Эпистемологический вклад конверсационного анализа

Конверсационный анализ (далее – КА) – это направление исследований, возникшее в Калифорнии в 1960-х годах благодаря работам Сакса, Щеглоффа, Джефферсона и других исследователей в контексте сотрудничества с Гарфинкелем, основателем этнометодологии (Мальцев, 2022). Данный подход характеризует внимание к организации языка и речевой деятельности в рамках социального взаимодействия с точки зрения локальной дискурсной реализации. Специфическое позиционирование КА состоит в первую очередь в интересе к организации речевых актов в контексте – язык рассматривается не как автономный объект изучения, а как ресурс, который позволяет участникам коммуникативной интеракции структурировать свои действия социально «внятными» способами. Базируясь на этнометодологии Гарфинкеля (Garfinkel, 1967), которая рассматривает социальное действие как методически организованное событие, посредством систематических и узнаваемых практик участников, КА развивает систематический подход, анализируя сначала аудиозаписи, а затем видеоматериалы. Язык играет решающую роль, с одной стороны, как фундаментальное символическое средство установления интерсубъективности и социальных отношений, с другой стороны, ввиду того, что первые эмпирические корпуса представляли собой аудиозаписи устных социальных взаимодействий – телефонных разговоров. КА строится на аналитическом описании чередования речевых оборотов (Седых, 2011) – с учетом того, что говорящие не все говорят одновременно, а распределяют языковой материал в относительно строгом порядке, с учетом того, каким образом формируется очередность для начала нового высказывания. В этом ракурсе последовательность речевых действий выстраивается поступательно и эмерджентно и достигает определенной степени завершенности, что позволяет выявить потенциальные точки перехода и смены речевых ролей (Schegloff, Sacks, 1973; Schegloff, 2007). Обмен речевыми ролями описывается как порядок следования реплик, когда каждое высказывание обрабатывается коммуникантами в рамках двух векторов: *ретроспективно*, ориентируясь на предыдущее действие, или *проспективно*, иначе говоря, в русле планирования каждого следующего коммуникативного хода (Charaudeau, Maingueneau, 2002).

На основе поступательного возникновения реплик были описаны все более сложные формы действия и развиты глубокие знания о пластичности синтаксиса, лексики и просодии, характеризующиеся учетом темпоральности, последовательности и интеракционной организации речи (Auer, 2009). Эти достижения позволили разговорному анализу основать новое направление – интеракциональную лингвистику (Auer, 2009). Конкретный вклад новой дисциплины в общую лингвистику состоит в более четкой формулировке описания языковых форм – на всех уровнях анализа: фонетического, просодического, синтаксического, лексического, прагматического. Сюда же мы относим и более тонкое представление о речевых актуализациях и их позиционирование в конкретных условиях дискурсной практики. В этом контексте язык становится фундаментальным символическим и коммуникативным ресурсом для конституирования общепонятных обыденных высказываний и, следовательно, для интерсубъективного взаимодействия. В свою очередь, подобное видение языка никогда не сводит его к формальной системе, а является фундаментально праксиологическим, то есть основанным на практическом узусе. Как подчеркивает Щеглофф (Schegloff, 2007), социальное взаимодействие является естественной средой обитания, для которой создается язык и в которой он развивается: поэтому можно ожидать, что грамматические структуры и организация взаимодействия имеют одни и те же фундаментальные принципы.

Следует напомнить о том, что интеракционистское видение речевой активности и ее организации не ограничивается мышлением о языке как о формальном ресурсе и трактует язык как средство контекстной локализации социальных отношений. Это социальное измерение коммуникативного взаимодействия выражается по-разному.

Во-первых, любая коммуникация ориентирована на другого субъекта общения и адресована ему. Речевая деятельность организована «публично понятным образом, чтобы быть интерсубъективно узнаваемой» (Heritage, 1984, p. 235). Даже если коммуникант не понял точного смысла высказывания, его адресат должен иметь возможность исправить недопонятое или недосказанное.

Во-вторых, конверсационное действие и его последовательность всегда ситуативно локализованы: они привязаны к контексту, не только «приспосабливаясь к нему, но и трансформируя его» (принцип рефлексивности) (Garfinkel, 1967, p. 113). Примером может служить характеристика институциональной речи: опосредованное политическое интервью принимает форму определенных речевых секвенций, в которых не только журналист задает вопросы, а политик дает ответы, но и структура вопросов и их интерпретация «настраиваются» определенным образом в этом контексте и посредством него.

В-третьих, контекстуальная привязка тесно связана с дискурсным производством и символическим воспроизводством социальных категорий, к которым принадлежат участники общения, а также – с их значимостью, понятностью и узнаваемостью. Возьмем тот же пример: именно задавая вопросы, говорящий представляет себя принадлежащим к категории «журналист» и воспроизводит характеристики и профессионализм своих действий.

В-четвертых, эти измерения рефлексивно связаны не только с социальным и институциональным контекстом, но также с материальным и пространственным контекстом (Goodwin, 2000). Например, тела участников, как пакетные категории, центрирующие на себе аутентичные признаки индивида, распределены определенным образом: они неподвижны и при этом воспроизводят или модифицируют социальные отношения

и институциональность контекста (Mondada, 2009). В этом плане ситуативные характеристики «речи-во-взаимодействии» (*talk-in-interaction* – термин введен Э. Щеглоффом в 1987 году) продолжают представлять актуальные проблемы для социологии, а также социолингвистики и лингвистической антропологии.

Актуальные проблемы: видеотекст и мультимодальность

На основе бинарных социологических и лингвистических характеристик этнометодологического конверсационного анализа можно выделить некоторые проблемы, которые будут представлены через призму описания эмпирического материала.

Использование видео позволило разработать мультимодальный подход к взаимодействию при КА (Heath, Hindmarsh, Luff, 2010; Mondada, 2012). Хотя наличие, доступность и миниатюризация видеооборудования сыграли важную роль в этих разработках, это всё же не вопрос технологического детерминизма, а, скорее, реализация концептуального проекта, уже сформулированного исследователями, работавшими с киноматериалами (Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022). Мультимодальный подход опирается на мысль о том, что социальное взаимодействие достигается посредством не одного лишь языка, а множества мультимодальных ресурсов, интеграции речи в более широкое целое, включая жесты, взгляды, выражения лица, позы и движения тела, неразрывно связанные в своем генезисе и функционировании (Tabachnick, 2011).

Как только мы признаем, что автономия языка – это абстракция, не связанная с тем, как функционирует его речевая актуализация (иными словами, производство и интерпретация), возникает проблема телесной концепции языка (речь сама по себе имеет телесное измерение, связанное с артикуляционными компетенциями индивида, а также дыхания и движений тела) и его интеграция в мультимодальный подход к ресурсам взаимодействия (Mondada, 2012). Понятие ресурса позволяет учитывать как конвенциональные формы языковой системы, такие как грамматика, так и менее условные формы, такие как жесты, или формы, которые не являются таковыми вообще, такие как средства, которые участники время от времени мобилизуют для осуществления непосредственных целей взаимодействия здесь и сейчас, например совместное присутствие объектов. Учет разных типов ресурсов позволяет подчеркнуть не только индексальность языковых ресурсов, но и закономерности динамики телесных и материальных ресурсов: ценность ресурса всегда ситуативно обусловлена, связана с его последовательным расположением в происходящем действии и в контексте его использования (Pruvost, 2014). Это не исключает систематичности его проявления, которая может устанавливаться, возникать или воспроизводиться в конкретном данном контексте и закрепляться в других контекстах, в процессе поддержания коммуникации или ее модификации с течением времени (Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018).

Данное видение имеет ряд концептуальных и аналитических последствий, особенно для временной и пространственной организации мультимодальных ресурсов. Прежде всего, с точки зрения темпоральной организации, учет мультимодальности приводит к тиражированию темпоральности речи во взаимодействии. Конверсационный анализ – это подход к речи, который разворачивается с течением времени новым, прогрессивным образом, постоянно приспосабливаясь к непредвиденным обстоятельствам контекста и реакциям собеседников (Auer, 2009). Данный подход в определенной мере работает в противовес синтаксическому и дискурс-анализу, объекты исследования которых рассматриваются как законченные структурированные продукты. КА – это, напротив, размышление о ежемоментном развертывании структурирующих практик в процессе возникновения и настройки высказывания в действии и перспективе коммуникативной активности, участники которой могут отказаться от сказанного, приостановить его действие, а также трансформировать высказывание в любой момент.

Эмерджентное видение темпоральности осложняется анализом мультимодальности, который признает возникающее одновременное развертывание множества гештальтов, таких как речь, сопутствующие жесты, взгляд, движения тела и т. д. для каждого участника. Задача состоит в том, чтобы представить многочисленные хронотопы как *одновременные*, так и *последовательно расположенные*. С течением времени эти параметры (одновременность и последовательность) умножаются в десятки раз в современных ситуациях мультиактивности и мобильности (Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Добавим к вышеупомянутому, что учет мультимодальности требует признания новой роли материальности и пространства. Позы и движения тел участников взаимодействия, рисуя динамические пространственные траектории, создают интеракционные пространства (Седых, Акимова, Безкоровайная, 2024), которые трансформируются и развиваются с течением времени в соответствии с последовательной организацией взаимодействия и окружающей материальности: материальные объекты, с которыми участники обращались или которые использовали, перемещали, к которым прикасались; объекты, расширяющие свои телесные возможности; объекты, конфигурирующие окружающее пространство как множество ограничений и возможностей для происходящего коммуникативного действия.

Эти сложности, как временные, так и пространственно-материальные, в свою очередь, имеют последствия для способа понимания контекста – как социального, так и материального – и категоризации участников – социальных идентичностей и их телесных измерений. Анализ мультимодальности позволяет объяснить, каким образом социальный и материальный контекст реализуется, устанавливается, стабилизируется или трансформируется: даже самый стабильный институциональный контекст требует реализации и структурирования, позиционируя субъекта речи в пространстве посредством соответствующих поз и жестов, узнаваемых и адекватных для их воспроизведения или закрепления в соответствующем типе дискурсной активности. Выполнение определенной последовательности действий происходит в конкретной лингвоэкологической обстановке, что делает ее узнаваемой и придает дискурсную сингулярность коммуникативным действиям субъекта (Седых, 2011).

Здесь важным элементом общения выступает понятие принадлежности коммуникантов к социокультурным категориям, которое может приводить к статусным трансформациям индивида, которые становятся значимыми при развертывании действия: позы и расположение тел способствуют тому, чтобы идентифицировать личности участников, их права и обязанности, которые их объединяют, социальные отношения, проявляемые к другим – соучастникам или наблюдателям – в публичном пространстве коммуникативной деятельности. Главные методологические трудности возникают в момент необходимости интеграции в пространство КА статусных модификаций, каждая из которых оказывается или существенно усложненной, или переконфигурированной в соответствии с институциональными особенностями конверсационных интеракций.

Мультимодальность, материальность и пространство в синергии

Чтобы обсудить эти вопросы более конкретно, рассмотрим эмпирические данные. На основе сопоставимого корпуса видеозаписей и их транскриптов на трех языках (включая русский, французский, английский языки), записанных в магазинах – табачном магазине, булочной и сырной лавке (используются материалы из архива авторов), – сфокусируемся на простой, часто встречающейся последовательности (секвенции), о которой имеется обширная литература: *запрос и его удовлетворение* (Мальцев, 2022). Создание видеокорпуса коммерческих взаимодействий, в ходе которого покупатели формулируют запросы продавцам относительно объектов для покупки, было разработано как для сбора очень похожих рутинных взаимодействий, основы для систематического анализа, так и для наблюдения за вариациями в зависимости от местных особенностей – языка, типа бизнеса, сервис-дизайна и т. д.

Систематичность и вариативность обыденных речевых интеракций позволяют поднять вопрос о сопоставимости и возможности обобщения данных – при подходе, в рамках которого внимание к мультимодальным деталям отказывается от предварительных (более ранних) обобщений и вместо этого отдает предпочтение специфике актуального контекста.

При анализе учитывается не только вербальный формат запроса, но и жесты, совершаемые во время запроса, а также реплики-ответы. Чаще всего речь идет о прямых способах подачи информации, которые воплощаются в конкретных действиях (вербальных и невербальных), имеющих временные параметры и векторы, детерминированные контекстом и точно соответствующие формату запроса, а также побуждающие адресата соблюдать репликативную очередность и адекватно реагировать на личность клиента, сделавшего запрос.

Обычные запросы, без жестов

Первый сценарий (модуль): покупатель (далее – К) без колебаний и жестов называет товар, который он просит у продавца (далее – П):

Русский язык:

Модуль 1 + Транскрипт:

К: Добрый день (улыбка).

П: Здравствуйте.

К: Зажигалку и «Парламент» (достает кредитную карту).

П: Хорошо (передает требуемый товар и вводит данные в терминал). Можете прикладывать.

К: (Прикладывает карту к терминалу.) До свидания.

П: Всего доброго.

Поза, движение тела: в тот момент, когда клиент достает карту, продавец уже повернут к витрине с товаром.

Модуль 2 + Транскрипт:

К: Здравствуйте (улыбка). Пачку «Собрание» и две «Чепмен» (достает деньги и кладет их на прилавок).

П: (Кивок головой в качестве приветствия. Дает сигареты и забирает деньги.)

К: Спасибо, до свидания (улыбка).

П: До свидания.

Поза, движение тела: в тот момент, когда клиент кладет деньги на прилавок, продавец уже повернут к витрине с товаром.

Французский язык (здесь и далее перевод с французского на русский выполнен автором статьи. – *А. С.*):

Модуль 1:	*Перевод + транскрипт:*
П: Bonjour. К: Bonjour, Madame. Un paquet de Gauloises blondes, s'il vous plaît. П: Merci. К: Bonne journée!	П: Здравствуйте (улыбка). К: Здравствуйте, мадам. Пачку легких «Голуаз», пожалуйста (достает деньги из портмоне и кладет их на прилавок). П: Спасибо (улыбается, дает сигареты и забирает деньги). К: Хорошего дня! Поза, движение тела: в тот момент, когда клиент кладет деньги на прилавок, продавец уже повернут к сигаретной витрине.
Модуль 2:	*Перевод + транскрипт:*
П: Bonjour. К: Un paquet de Winston et un Camel.	П: Здравствуйте (улыбка). К: Пачку «Винстона» и одну «Кэмел» (достает деньги из кармана и кладет их на прилавок). П: Спасибо (улыбается, дает сигареты и забирает деньги). Поза, движение тела: в тот момент, когда клиент кладет деньги на прилавок, продавец повернут к сигаретной витрине.

Английский язык (здесь и далее перевод с английского на русский выполнен автором статьи. – *А. С.*):

Модуль 1:	*Перевод + транскрипт:*
П: Hello. К: Hi. Rothman, please. П: Thanks. К: Good day. П: See you.	П: Привет. К: Привет, «Ротман», пожалуйста (достает деньги из портмоне и кладет их на прилавок). П: Спасибо (улыбается, дает сигареты и забирает деньги). К: Хорошего дня. П: До скорого (улыбка). Поза, движение тела: в тот момент, когда клиент кладет деньги на прилавок, продавец уже повернут к сигаретной витрине.
Модуль 2:	*Перевод + транскрипт:*
П: Hello. К: A pack of Winston. П: Thanks.	П: Здравствуйте (улыбка). К: Пачку «Винстона» (достает деньги из кармана и кладет их на прилавок). П: Спасибо (улыбается, дает сигареты и забирает деньги). Поза, движение тела: в тот момент, когда клиент кладет деньги на прилавок, продавец уже повернут к сигаретной витрине.

Все вышеприведенные коммуникативно-транзакционные секвенции объединены общими конверсационными признаками вне зависимости от исходного языка: обмен краткими репликами хорошо знакомых людей – завсегдатая заведения и продавца.

В первом случае после обмена чередующимися приветствиями покупатель сразу же просит пачку сигарет: еще до того, как название бренда будет произнесено, продавщица поворачивается к той части витрины, где находится товар. Удовлетворение запроса осуществляется комплексным способом, путем обращения к товару, последующим взятием его для считывания штрих-кода, помещением товара на прилавок, где он перейдет в руки покупателя.

Во втором случае покупатель не отвечает на приветствия и сразу выдает запрос в виде названия нужных ему сигарет. И здесь, как только название бренда произносится узнаваемым образом и еще до того, как оно будет произнесено полностью, понимание проецируется реакцией продавщицы, которая поворачивается к витрине.

В обоих случаях просьба реализуется с минимальным количеством языкового материала: глагола нет, а запрос осуществляется с помощью именной фразы. Никакого сопутствующего жеста с референтом нет, и в первом случае клиент уже занимается обработкой денег, которые будут использованы для оплаты транзакции, предваряя полную завершенность коммерческой интеракции.

Формат запроса и реплик: быстрое и молчаливое удовлетворение просьбы на основе короткого аудитивного восприятия номинанта известного бренда, демонстрация покупки привычного продукта, рутинный запрос и, следовательно, его реализация с опорой на присутствие постоянного клиента. Запрос, покупка, тип клиента, а также реакция продавца характеризуются высокой экономией речевых средств.

Рутинные просьбы с жестом, не обработанным собеседником

Просьба клиента может сопровождаться жестом. Возможный тип жеста выполняется клиентом, часто «в ожидании» своего референта, благодаря которому жест предвосхищает свой лексический аналог (Schegloff, 2007). Рассмотрим примеры.

Французский язык:

Модуль 3:	*Перевод + транскрипт:*
1. П: Monsieur, j'peux vous aider… ou j'vous laisse regarder? 2. К: Eh, non… j'ai fait mon choix 3. П: Ouais? 4. К: Ben, j'vais vous prendre des œufs 5. П: Oui. 6. К: Et du Coulommiers, s'il vous plaît 7. П: Oui. …	П: Месье, могу вам помочь… или вы посмотрите сами? К: Нет, уже выбрал (поворачивает голову, указывает на товар). П: Угу? К: Ну, я возьму яйца. П: Да (направляется к товару). К: И «Куломье» [сыр], пожалуйста (указывает на товар). П: Хорошо (перемещается в направлении сыра). …

В вышеприведенном эпизоде продавщица акцентирует внимание на том, что покупатель, возможно, еще находится в процессе выбора (1), но предложение помощи отклоняется покупателем (2), и поэтому продавщица предлагает ему изложить свою просьбу. Используется речение, которому предшествует глагол, проецирующий несколько объектов, первый из которых – «яйца» (4), произнесенный с восходящей просодией. Произнося глагол, покупатель поворачивает голову и быстро указывает на товар, демонстрируя, что он заметил его местоположение в магазине. Позитивный ответ продавщицы реализуется, когда она начинает двигаться к товару (5). Выработку словесного ответа (7) часто можно наблюдать, когда продавец не может немедленно выполнить просьбу и его телесное движение по приближению к товару задерживается. Таким образом, частица «да» представляет собой ответ, который можно произнести сразу после завершения запроса, ожидая завершения поиска и презентации самого продукта. Похожую последовательность можно наблюдать

для получения второго продукта, запрошенного покупателем (6), которая также сопровождается кратким жестом; ответ произносится с использованием повторяющейся частицы и реализуется как перемещение к товару (7).

Эквивалент первой немедленной реакции собеседника также может быть произведен положительным кивком головы, как в следующем отрывке на русском языке, взятом из схожего конверсационного материала:

Модуль 4 + Транскрипт:

К: Дайте мне моца(1)реллу (указывает на товар).

П: … (кивок головой, движение к товару).

Аналогично предыдущему отрывку, клиент предваряет произнесение дополнения к глаголу указанием на объект запроса. Продавец уходит за товаром, как только конкретный вид требуемой моцареллы становится понятным и прогнозируемым во всей своей полноте, то есть уже после первого произнесенного слога (1).

В следующем отрывке на английском языке продавщица отвечает в конце рецепции именной группы, обозначающей товар:

Модуль 5:	*Перевод + транскрипт:*
П: Hello. К: Hi, Banoffee (1), pie, please	П: Здравствуйте. К: Привет, Банoффи (кивок головой + указание рукой), пирог, пожалуйста.

В этом эпизоде покупатель делает двойной жест головой и рукой, совпадающий с произнесением существительного “Banoffee”. Продавщица в ответ начинает движение, как только именное словосочетание начинает произносится и чуть ранее перед завершением артикуляции последнего слога (1).

Во всех вышеприведенных секвенциях просьба, с глаголом или без него, всегда сопровождается жестом, который предвосхищает или соответствует первой части названия предмета. Жест, быстрый, едва заметный и не очень точный, не трактуется продавцом как точечное референтное указание, позволяющее сделать товар узнаваемым – потому что продавец не сразу реагирует на жест, а чуть позднее. Ответ, направленный на удовлетворение запроса, производится, как только запрошенный объект становится вербально понятным или узнаваемым как таковой. В любом случае темпоральные параметры ответа (часто выражающиеся в движении тела) показывают, что продавец ориентирован скорее на единицу, обозначающую предмет, но не на жест.

Такой формат запроса – обрабатываемый в ответ на именное словосочетание, а не на быстро сформированный жест – позволяет отнести запрошенный объект как уже идентифицированный, а покупателя – как обычного покупателя или покупателя, хорошо ориентирующегося в пространстве магазина.

Запрос с развернутым жестом, предшествующим или отсрочивающим появление именной группы

Жест, сопровождающий запрос, может быть, в отличие от того, что наблюдалось в предыдущих эпизодах, более крупным и заметным, а также размещаться темпорально и последовательно в другой среде, выполняя не только функцию предшествования, но и замены номинантов запроса, по крайней мере, на начальном этапе.

Рассмотрим пример на русском языке:

Модуль 6 + Транскрипт:

1. П: Здравствуйте.
2. К: Добрый день (наклоняется над прилавком).
3. П: (Поворачивает голову.)
4. К: Мне надо две пачки «Примы» с фильтром (указывает телом на товар).
5. П: (Оборачивается и передает требуемый товар)

Прежде чем сформулировать запрос, клиент наклоняется над стойкой (2), чтобы подготовить всем своим телом указательный жест, который он реализует ближе к завершению секвенции (4). Этот жест продолжается во время произнесения предикативного глагола и числительного (надо + две 4). В данном случае именно указание (на сигареты позади него) сообщает продавцу о требуемом предмете: продавец в ответ поворачивается к товару, хотя название сигарет еще не было произнесено. Здесь интересен воплощенный ответ на просьбу: поступательное движение тела, затем руки и, наконец, кисти продавщицы, которая постепенно разворачивается в ответ на развертывание эмерджентного поворота, в котором сначала упоминается марка сигарет, а затем их спецификация. Структурирование поворота позволяет актуализировать реакцию, которая постепенно завершается и приводит к захвату объекта именно тогда, когда поворот осуществлен.

Аналогичная траектория конверсации характерна для двух следующих отрывков на французском языке:

Модуль 7:	*Перевод + транскрипт:*
1. П: … 2. К: Trois de ces petites pizzas 3. П: Ouais 4. К: …	П: (Кивок головой…) К: Три маленькие пиццы (наклоняется над прилавком). П: Угу (поворачивается и идет к товару). К: (Выпрямляется и получает товар.)

Модуль 8:	*Перевод + транскрипт*:
1. К: Je pensais d’acheter un euh… une huile d’olive 2. П: Avec plaisir …	К: Я хотел бы купить оливковое масло (указывает глазами и жестом на нужный товар). П: С удовольствием (приносит указанный товар, улыбается и кивает головой). …

В первом отрывке, аналогичном предыдущему, числительное инициирует именное словосочетание, описывающее искомый объект, одновременно с тем, как клиент актуализирует указание на нужный товар. Продавщица отвечает на просьбу задолго до того, как будет произнесено окончательное название предмета (“pizza” 1 + 2), следуя указательному жесту.

Во втором отрывке клиент инициирует свой запрос именной фразой, за которой следует название продукта, предваряемое числительным и неопределенным артиклем “un” (“un; eh” 1); во время формулирования запроса клиент указывает на предмет как головой, так и рукой. Продавец поворачивается и сразу же смотрит в сторону указанного места, прежде чем предмет будет назван.

В трех рассмотренных в этом разделе фрагментах ответ продавца на запрос покупателя основывается на жесте последнего: продавец начинает поворачиваться в сторону указанного места, даже если запрос не завершен и запрашиваемый объект еще не назван. В отличие от быстро реализуемых жестов, рассмотренных в предыдущем разделе (модули 3-4-5), жесты, характеризующие вышеприведенные запросы, более развернуты, точны по направленности действия и явно обращены к собеседнику. Следовательно, если в первом случае запросы не учитывались во время ответа, то во втором они учитываются в полной мере. Данный формат запроса классифицирует продукт как искомый в непосредственном материальном окружении, так как клиент находит товар одномоментно с произнесением запроса. Если покупатели, осуществляющие запросы 3-4-5, выглядят как постоянные клиенты (без непосредственного указания на запрошенный товар), то в модулях 6-7-8 покупатель может маркироваться как случайный (жестовое указание на искомый продукт).

Жесты-запросы, направляющие коммуниканта к неназванному объекту

Анализируя разнообразие жестов, сопровождающих запросы, рассмотрим итоговую конверсационную конфигурацию на английском языке, характеризующуюся развернутым жестом без наименования запрашиваемого референта:

Модуль 9:	*Перевод + транскрипт:*
1. П: Something else? Other product, will you?	П: Что-нибудь еще? Другой продукт, пожалуйста.
2. К: …	К: (Приближается к стойке и смотрит в сторону хлебных изделий.)
3. К: I’ll take it, I guess.	К: Я возьму, пожалуй… (наклоняется влево, начинает показывать пальцем на конкретное хлебное изделие).
4. …	К: (Длинная пауза.)
5. К: What is this called…	К: Как называется этот…
6. П: … Yeast-free with pumpkin seeds	П: (Прикасается к хлебу и поворачивает голову к клиенту.) Бездрожжевой с семечками тыквы.
7. К: No …	К. Нет…

На вопросы продавщицы (1) покупатель отвечает не сразу (2), а подходит к прилавку, направляясь к витрине с хлебом позади продавщицы. Его просьба начинается с назывной фразы (3), которая проектирует секвенцию (удлинение в конце на слове «пожалуй» и синтаксическая незавершенность). Запрос не достигается и в последующей длинной паузе (4), во время которой клиент поворачивается, наклоняется, затем выпрямляется, все время указывая пальцем. Эти телодвижения и жесты учитываются продавцом, который поворачивается к буханкам позади себя, приближаясь и указывая на продукт в обозначенном направлении. Продавщица реагирует на покупателя на основе его жестов, в то время как вербальная проекция еще не реализована. Когда покупатель снова заговаривает после паузы (5), он задает вопрос, относящийся к товару, который продавщица определяет с помощью жеста, и просит идентифицировать его. Референт идентифицируется – о чем свидетельствует тот факт, что покупатель перестает указывать на товар, а продавщица касается указанного хлеба, причем ее жест не исправляется покупателем. Референт идентифицируется в ответе продавщицы (6): название хлеба содержит описание его ингредиентов и, следовательно, информативно для покупателя, так как он решает не покупать этот сорт хлеба (7).

В вышеприведенном эпизоде жест покупателя непосредственно ориентирует продавца в поиске местонахождения товара при отсутствии названия. Это происходит только благодаря промежуточной секвенции, которая приостанавливает и фактически прекращает предыдущий обмен репликами, чтобы обеспечить идентификацию продукта. Данный тип запроса, при котором преобладает жест, а объект не назван, характеризует выбор продукта, основанный на поисках референта и постепенном изучении ассортимента витрины. На основе вышеприведенных вербально-невербальных конфигураций покупателя можно квалифицировать как случайного или проходного, не знакомого с продукцией пекарни.

Системность и разнообразие мультимодальных форматов коммуникации

Проведенный анализ позволяет выделить ряд возможных способов артикулирования запросов в коммуникативно-транзакционных взаимодействиях. Формат запроса представляет собой мультимодальный гештальт, сложную форму, в которой смешиваются различные вербальные и невербальные ресурсы (синтаксис, лексика, просодия, жесты, взгляд, ориентация тела), которые вместе составляют дискурсный гештальт, но при этом распределяются во времени неизохронно. Жест может появляться и развертываться более или менее ожидаемо, часто до наименования референта, на который он указывает; именование может производиться с большей или меньшей задержкой. Реакции коммуникантов на мультимодальный гештальт часто варьируются в зависимости от темпоральных механизмов, откликаясь скорее на тот или иной из мультимодальных ресурсов: именно темпоральное измерение подсказывает, на чем конкретно собеседник строит свой ответ.

Хронологическое позиционирование мультимодальных ресурсов не только позволяет выявить модель секвенции (запрос и ответ), но также показывает, как клиенты репрезентируют себя, под какую категорию покупателей они подходят и как, в соответствии с коммуникативным статусом, к ним относятся продавцы. Формат очередности реплик и их вариации позволяют классифицировать не только тип запроса, но и тип клиента – в частности, в рамках понятий «постоянный клиент», «завсегдатай», «случайный», «временный» и т. д. Эта категоризация имеет фундаментальное значение для продавца, в частности для идентификации покупателя и выбора конкретной тактики для реализации статусного общения.

Как видим, на основе наблюдений за функционированием фрагментов на разных языках представляется возможным выявить сопоставимые дискурсные гештальты с точки зрения дистрибуции мультимодальных ресурсов между синтаксическим форматированием и жестами с учетом фактора темпоральности. При этом распределение вербальных и невербальных данных происходит конвергентно в разных языках.

Здесь уместно акцентировать внимание на преимуществах конверсационного анализа, который отражает повседневную жизнь «здесь и сейчас», опираясь на богатство языка и его естественных речевых проявлений, в которых можно «увидеть ситуацию взаимодействия такой, какой она не только воспринимается участниками взаимодействия, но и создается ими» (Турчик, 2013, с. 123). Неотъемлемым аспектом КА выступает возможность идентификации личностей говорящих, иными словами, их статусные социокоммуникативные признаки, что выводит конверс-анализ на новые парадигмальные границы на стыке с персонологией.

Заключение

Конверсационный анализ является высоко дискуссионным направлением в современной гуманитаристике. Спорными категориями остаются многие аспекты данной дисциплины: от содержательных и дефиниционных принципов организации терминологического аппарата до эпистемологической целесообразности выделения конверс-анализа в отдельную парадигму научного знания со своим гносеологическим и методологическим ресурсом.

Рассмотренные в исследовании вопросы и проблемы, выходящие далеко за рамки конверсационного анализа по своей специфике, можно резюмировать следующим образом. Во-первых, они указывают на необходимость не изолировать язык от других ресурсов, используемых участниками коммуникации, особенно телесных: ответ на этот вызов состоит в разработке мультимодального анализа, который интегрирует без учета приоритетности самых разнообразных ресурсов, мобилизованных коммуникантами. Во-вторых, мультимодальный анализ поднимает фундаментальные вопросы, касающиеся сложности возникающей темпоральной организации интеракции, а также условия для формирования модели ситуативного взаимодействия – в частности, путем одновременного задействования нескольких темпоральных траекторий, которые необходимо интерпретировать последовательно и интеракционально. В-третьих, серьезно относясь к ситуативному характеру действия, КА сталкивается со спецификой контекста, рассматриваемой как в его материальности, так и в его институциональности – задача состоит в том, чтобы систематически сформулировать форматы действий и соответствующие элементы контекста. В-четвертых, и в более широком смысле, это показывает важность учета как систематичности, так и индексальной вариативности языка во взаимодействии – в интегративном подходе, учитывающем как действия всех участников, а именно их мультимодальное измерение, языковые вариации внутри взаимодействующих речевых ходов, а также социально-категориальные и аффилиативные различия коммуникантов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении эпистемологической базы анализа вербальной коммуникации в естественной ситуации за счет использования теоретических достижений и арсенала средств ряда дисциплин, занимающихся сходной проблематикой: теории речевых актов, дискурс-анализа, лингвопрагматики, психомеханики и концепции языковой идентичности.

Источники | References

1. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1.
2. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сборник научных трудов / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2007.
3. Ким М. Ю. Йазык говорящего тела в теории Ж. Лакана // О взаимоотношениях психического и телесного в норме и патологии: сборник научных трудов по материалам национальной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 9 декабря 2023 г.). СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2024.
4. Мальцев М. А. ИНТЕР-энциклопедия: конверсационный анализ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.7
5. Олянич А. В. Лингвосемиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16.
6. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.
7. Седых А. П. Коммуникативный портрет Николя Саркози // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36).
8. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
9. Седых А. П., Акимова Э. Н., Безкоровайная Г. Т. Лингвокультуремы, межкультурный трансфер и транскультурное моделирование (на материале русского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. https://doi.org/10.30853/phil20240014

10. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация. Белгород: Эпицентр, 2023.
11. Седых А. П., Чижова А. О., Акимова Э. Н. «Оговорки» в лингвистике и психоанализе: структура, семантика и дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 12. https://doi.org/10.30853/phil20240649
12. Турчик А. В. Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1-2.
13. Auer P. Online syntax. Thoughts on the temporality of spoken language // Language Sciences. 2009. Vol. 31. Iss. 1.
14. Babu J.-Ph. Gustave Guillaume, aux sources archéologiques du problème de l'article: Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris-Sorbonne. P., 2014.
15. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1967.
16. Goodwin C. Action and embodiment within situated human interaction // Journal of Pragmatics. 2000. Vol. 32.
17. Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956-1957 / éd. par G. Plante. Québec – Lille: P. U. Laval-PUL, 1982.
18. Heath C., Hindmarsh J., Luff P. Video in Qualitative Research. L.: Sage, 2010.
19. Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984.
20. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
21. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
22. Kristeva J. Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
23. Mondada L. Emergent focused interactions in public places: A systematic analysis of the multimodal achievement of a common interactional space // Journal of Pragmatics. 2009. Vol. 41.
24. Mondada L. The conversation analytic approach to data collection // Handbook of Conversation Analysis / ed. by J. Sidnell, T. Stivers. L.: Blackwell-Wiley, 2012.
25. Morin E. La méthode: en 6 vols. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
26. Pruvost J. Dictionnaires et nouvelles technologies. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.
27. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // ÉLA. Études de linguistique appliquée. 2005. No. 137.
28. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
29. Rey Ch. Dictionnaire et société. P.: Honoré Champion, 2020.
30. Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
31. Schegloff E. A., Sacks H. Opening up closings // Semiotica. 1973. No. 8.
32. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3.
33. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Vol. 7. No. 4-38.
34. Tabachnick M. Psychomécanique du langage et sémiotique du texte littéraire. Sarrebruck: Ed. Universitaires Européennes, 2011.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович[1], д. филол. н., проф.
Акимова Эльвира Николаевна[2], д. филол. н., проф.
Жукова Арина Геннадьевна[3], к. филол. н., доц.
[1] Московский международный университет;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
[2, 3] Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh[1], Dr
Elvira Nikolajevna Akimova[2], Dr
Arina Gennadievna Zhukova[3], PhD
[1] Moscow International University;
Belgorod National Research University
[2, 3] Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

[1] *sedykh@bsuedu.ru,* [2] *akimovaen@mail.ru,* [3] *arinazhukova2013@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.12.2024; опубликовано online (published online): 28.01.2025.

Ключевые слова (keywords): конверс-анализ обыденной речи; методы конверсационного анализа; коммуникативная интеракция; обыденный дискурс; мультимодальные форматы коммуникации; conversational analysis of everyday speech; methods of conversational analysis; communicative interaction; everyday discourse; multimodal communication formats.